

Т. И. Стексова
Новосибирск, Россия

ДЕКЛАРАТИВНОСТЬ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена декларативности в политическом дискурсе. Политический дискурс представлен двумя разновидностями: дискурс политиков и дискурс реагирования. Декларация является институциональным жанром для дискурса политиков, где она может выполнять одну из трех функций: презентацию своих групповых ценностей; противопоставление своих ценностей ценностям других групп; демонстрацию уверенности в себе, в правоте своего дела. Кроме собственно жанра декларации в дискурсе политиков декларативность становится свойством текстов многих других жанров, особенно в предвыборной борьбе. При этом часто функции декларации расширяются: она используется в манипулятивных целях. Декларация как жанр в дискурсе реагирования не функционирует, однако многие тексты приобретают свойство декларативности за счет использования специализированных языковых средств. Особенностью декларативных текстов в дискурсе реагирования становится отсутствие доказательств, аргументов, что приводит к развитию нового значения у лексемы «декларативный», зафиксированного в словарях: «не подкрепленный доказательствами; стиль оформления устных или письменных текстов, при котором заявленные цели и ценности не соответствуют реальным действиям и реальным возможностям автора этих текстов». Такое понимание декларативности нашло отражение и в словаре синонимов: декларативность — «показуха, торжественность».*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; дискурс политиков; дискурс реагирования; декларация; декларативность; манипуляция.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Стексова Татьяна Ивановна, профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка, Институт филологии, массовой информации и психологии, Новосибирский государственный педагогический университет; 630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, 28; e-mail: steksova@inbox.ru.*

По данным этимологического словаря М. Фасмера, слово «декларация» пришло в русский язык через польский или немецкий и буквально означало «объяснение в любви». В. И. Даль приводит следующее толкование данного слова: объявление, оповещение, оглашение, сношение на бумаге между государствами с каким-либо окончательным заключением, условием, соглашением. Как видим, в данном определении уже нет никакой связи с объяснением в любви.

Толковый словарь Ефремовой отмечает три значения рассматриваемой лексемы:

1. Официальное, торжественное или программное заявление (от имени правительства, партии, международной организации).
2. Название официального документа, содержащего какие-либо важные положения или нужные сведения.
3. Устар. Предложение вступить в брак.

Итак, исходное значение слова устарело, а в современном русском языке оно стало именем жанра декларации, имеющего достаточно узкую закреплённую сферу употребления: официально-деловую (например, *налоговая декларация*) и социально-политическую. К числу деклараций в политическом дискурсе относятся Всеобщая декларация прав человека, Декларация прав ребенка, Декларация ООН о правах коренных народов и многие другие. В качестве примера обратимся к «Декларации прав ребенка», принятой резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1959 г. Жанр декларации является институциональным для данной социально-политической сферы. Документ имеет жестко закреплённую структуру: начинается с преамбулы, где обосновываются причины и цели принятия

декларации, и продолжается формулировкой основных десяти принципов:

Принимая во внимание, что человечество обязано давать ребенку лучшее, что оно имеет, <...>

Генеральная Ассамблея провозглашает настоящую Декларацию прав ребенка с целью обеспечить детям счастливое детство и пользование, на их собственное благо и на благо общества, правами и свободами, которые здесь предусмотрены, и призывает родителей, мужчин и женщин как отдельных лиц, а также добровольные организации, местные власти и национальные правительства к тому, чтобы они признали и старались соблюдать эти права путем законодательных и других мер, постепенно принимаемых в соответствии со следующими принципами:

Принцип 1.

Ребенку должны принадлежать все указанные в настоящей Декларации права. <...>

Принцип 2.

Ребенку законом и другими средствами должна быть обеспечена специальная защита...<...>

Жанрообразующими признаками являются неличный характер текста: адресант коллективный (от имени государства, партии, объединения); эксплицитно представлен в тексте: *Генеральная Ассамблея*. Адресат обобщенный, любой, каждый, также вербализован: *призывает родителей, мужчин и женщин как отдельных лиц, а также добровольные организации, местные власти и национальные правительства*. Жанр декларации полиинтенциональный: с одной сто-

роны, информативный (сообщается об основных принципах, положениях), с другой — императивный, так как содержит призывы соблюдать эти принципы. Императивность проявляется явно, лексически: употребляются глаголы (*призывает*) и модальные слова (*должны, надо*) — и грамматически путем использования форм глаголов в настоящем времени в значении настоящего долженствования. Тексты данного жанра не имеют временных рамок. В языковом воплощении отметим именную характер текстов, номинализацию, оценочную лексику, высокий процент использования слов иноязычного происхождения и др. В отличие от деклараций в официально-деловой сфере, декларации в политическом дискурсе отличаются особой торжественностью. Этот признак торжественности вошел в значение прилагательного «декларативный», которое толкуется, по словарю С. И. Ожегова, как «имеющий форму декларации, торжественный». Нам здесь важно отметить, что, во-первых, декларативным может быть любой текст, а не только текст официального документа.

Итак, если жанр декларации закреплен за официально-деловой и социально-политическими сферами, то признак декларативности оказывается свойственен большому количеству текстов разных жанров, в том числе и в политическом дискурсе. Оговорюсь, что политический дискурс здесь понимается широко. Это не только «дискурс политиков, реализуемый в виде правительственных документов, парламентских дебатов, партийных программ, речей политиков» [Дейк 1989], но и массмедийный политический дискурс, к которому можно отнести тексты политической тематики, созданные журналистами и распространяемые посредством СМИ, а также тексты, созданные людьми, не являющимися профессиональными политиками или журналистами, но эпизодически участвующими в политической коммуникации. О полевого строении политического дискурса убедительно пишет Е. И. Шейгал [Шейгал 2000]. Именно широкое понимание политического дискурса позволило выделить дискурс политиков и дискурс реагирования [Плотникова 2005].

В дискурсе политиков декларативность как свойство текстов является обыденностью.

В предвыборной программе ЛДПР (МЫ ЗА РУССКИХ! 111 ПОЗИЦИЙ ЛДПР) утверждается: *Только ЛДПР по-настоящему знает, что такое русский вопрос. Мы — первые и единственные — подняли голос в защиту русских, изгоняемых из Казахстана, Средней Азии, Прибалтики и с Кавказа (миллионы русских вынуждены были бе-*

жать оттуда, бросив всё свое имущество, дома предков!) еще тогда, когда не родились те, кто приходят сегодня на наши митинги.

На основании чего утверждается, что только ЛДПР знает, что такое «русский вопрос»? Проводились какие-либо исследования, социологические опросы?

Читаем далее: *Россия создана великим русским народом, который принес свободу и другим национальностям. Русский народ — государствообразующий. И без этого народа Россия умрет. <...> Если плохо будет русским, то будет плохо всем — и татарам, и украинцам, и башкирам, и евреям, и остальным народам нашей Родины. <...> Встанут с колен русские — будут процветать все этносы, потому что каждому народу России русские обязательно помогут, ибо они самый добрый народ, которому чужды нацизм и высокомерие.*

И опять возникает ряд вопросов: так ли безоговорочно утверждение, что русский народ принес свободу другим национальностям? И почему плохо будет всем, если русским будет плохо? На чем основано утверждение, что русские — самый добрый народ, которому чужды нацизм и высокомерие?

Но декларативностью грешат документы не только ЛДПР. Программа «Справедливой России» так же полна декларативных заявлений:

Стремление к справедливости прочно укрепилось в национальном самосознании россиян, в системе ценностей, передаваемых из поколения в поколение посредством культуры, традиций, исторической памяти.

Сильная, свободная, справедливая Россия — это гарантия нашего общего будущего, сохранения нашей национальной идентичности.

Главное в политике Партии — человек.

На официальном сайте этой партии читаем: *Не люди существуют для государства, а государство существует для людей, обеспечивая неукоснительное соблюдение их законных прав.*

Сильная, свободная, справедливая Россия — это гарантия нашего общего будущего, сохранения нашей национальной идентичности.

Языковое воплощение этих документов характерно для декларации: используются глаголы в форме настоящего времени в значении долженствования, отглагольные существительные (*соблюдение, сохранение*).

Предвыборная программа «Единой России» на выборах депутатов Государственной думы ФС РФ VII созыва начинается с декларативных заявлений: *УСПЕХ КАЖДОГО —*

УСПЕХ РОССИИ! Слышим людей — сможем сделать!

Цитаты из выступлений Путина и Медведева, предвещающие программу, также носят декларативный характер:

...Наша страна неоднократно доказывала, что способна осуществлять масштабные проекты. Такие успехи всегда рождали настоящий национальный подъем, умножали созидательные силы и творческий потенциал народа. Сегодня нас объединяет общее стремление построить динамичную, процветающую, благополучную страну, которую уважают в мире и которая открыта для равноправного и конструктивного диалога.

В. Путин

...Мы свою страну любим, верим в нее, верим в возможности нашего народа, в то, что мы сможем преодолеть любые трудности и сделать Россию сильной и успешной. Все это значит, что мы победим.

Д. Медведев

В программе КПРФ утверждается: *КПРФ выступает единственной политической организацией, последовательно отстаивающей права людей наемного труда и национально-государственные интересы.*

На эту «декларативную» особенность дискурса политиков обратила внимание и М. В. Гаврилова, анализируя программы российских политических партий XXI в. [Гаврилова 2011]. Но декларативность в исследуемой сфере характерна не только для XXI в.

Еще в годы советской власти широкое распространение в политическом дискурсе имели «лозунги и призывы Коммунистической партии Советского Союза», которые публиковались в газете «Правда» накануне ноябрьской и первомайской демонстраций. Само наименование этого документа носит избыточный характер, так как лозунг (от нем. *Lozung*) — это и есть призыв, выражающий в краткой форме руководящую идею, задачу, требование, т. е. слова «лозунги» и «призывы» синонимичны.

Если перед Великой Отечественной войной и во время нее лозунги позволили в краткой, лаконичной форме сформулировать цели и задачи государственной политики и мобилизовать граждан на выполнение этих задач: *Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Отстоим завоевания Октября! Родина-мать зовёт! Ты записался добровольцем? Убей немца. Отомсти!* — то в послевоенное время наряду с призывами (*Пятилетку — за четыре года!*) появились лозунги, способствующие формированию патриотизма путем декларирования государственных ценностей: *Советское — значит от-*

личное. Спасибо Родине за наше счастливое детство! СССР — оплот мира! Партия — ум, честь и совесть нашей эпохи; Партия — наш рулевой! и Народ и партия — едины!

Эта традиция сохранилась и в современном политическом дискурсе. Так, 18,5 % призывов и лозунгов Центрального комитета КПРФ к 94-й годовщине революции носят декларативный характер, среди лозунгов и призывов этой же партии к 9 мая 25 % являются декларацией: *Красный флаг — знамя Победы! Победа отцов и дедов — это наша победа!*

Не только официальные политические документы содержат декларативные заявления, ими полны выступления политиков, особенно в период предвыборной агитации. Современные политологи, анализируя роль и место средств массовой информации в политическом процессе, все чаще указывают на процесс медиатизации политики [Грибовод 2015]. Среди функций социальных медиа называют, в частности, и продвижение политических идей [Павлютенкова 2012]. Как справедливо отмечает Л. Н. Синельникова, «политическая деятельность — это и информационная борьба за сознание тех социальных групп общества, которые при необходимости могут стать „группами поддержки“ — исполнителями необходимого политикам сценария» [Синельникова 2015: 49]. Так, в информационном бюллетене кандидата от ЛДПР Натальи Красовской ее передовая статья направлена на формирование имиджа ЛДПР как партии, стремящейся и готовой изменить жизнь людей к лучшему, за которую нужно голосовать. Но при этом статья полна декларативных заявлений, ничем не подкрепленных: *Кандидаты от партии Жириновского идут на выборы с твердым желанием изменить жизнь нашего региона. <...> У нас богатейшая в мире страна! Очевидно, что власти просто не в состоянии грамотно и честно распоряжаться этими богатствами. В результате обогащается небольшая кучка толстосумов, а простой народ остается с вечной дырой в кармане!*

В. Жириновский также декларативен: *Не должно государство с богатейшими природными ресурсами, высочайшей духовностью народа быть бедным и слабым, бить по головам своих граждан и пускать их по миру, унижаться и терпеть политическую наглость, откуда бы она ни исходила! Общество созрело для настоящих реформ государственного управления, для действительного строительства новой жизни. Пора перейти к самым решитель-*

ным действиям! (общественно-политический журнал ЛДПР «За русский народ». 2016. № 2).

Подобные заявления не сопровождаются никакой аргументацией, да это и не требуется политику, так как они созвучны тому, что думает обычный избиратель, далекий от анализа текстов. Политик демонстрирует солидарность с адресатом. Подтверждение мнений и ожиданий адресатов в декларативных заявлениях политиков оказывается средством манипуляции, под которой понимается использование особенностей языка и принципов его употребления с целью скрытого воздействия на адресата в нужном для говорящего направлении [Пирогова 2001: 210].

Заметим, что декларативность свойственна не только российским политикам, ею «грешат» многие мировые политики. Так, в своей речи Д. Трамп на съезде Республиканской партии 22 июля 2016 г. заявил: *Я пришел в политику для того, чтобы сильные мира больше не могли издеваться над теми, кто не способен себя защитить. Никто не знает систему лучше меня, и только я могу исправить ситуацию* [Выступление Трампа на съезде...].

Декларативность его выступления не осталась незамеченной его адресатами. Трамповое *„Только я могу исправить ситуацию“* обозначает отход Республиканской партии от республиканского конституционализма к **демагогическому цезаризму**, — пишет в «Твиттере» Билл Кристал, редактор издания Weekly Standard. *„Ни идеологии, ни принципов — только я, я, я“*, — пишет о речи Трампа эксперт-международник Стив Сайдеман [Выступление Трампа на съезде...].

Возникает вопрос о причинах и целях декларативности политического дискурса. Намеренно или ненамеренно используются декларативные заявления?

Представляется, что декларативность в политическом дискурсе может выполнять несколько функций. Выделяются следующие функции:

- презентация своих групповых ценностей;
- противопоставление своих ценностей ценностям других групп;
- демонстрация уверенности в себе, в правоте своего дела.

Если две первые функции — это функции исходного жанра декларации, то последняя характерна текстам разных жанров в политическом дискурсе, основная цель которых — манипуляция. На манипулятивные черты политического дискурса все чаще обращают внимание исследователи (см.,

в частности: [Шейгал; Гронская 2001; Васильев 2013; Трифонов 2014]). Одним из способов манипуляции является подмена разных речевых жанров декларативным заявлением:

– декларативное заявление, лозунг вместо речевого жанра «обещание»:

- *Человеку труда — достойную жизнь!*
- *Тарифы на «коммуналку» — под жёсткий контроль народа!*
- *Пенсионерам — уважение и достойную старость!*

– декларативное заявление, лозунг вместо речевого жанра «обвинения»: *...страной правила и правят некомпетентные люди, не способные просчитать ситуацию и вовремя принять верное решение.*

В российской Конституции нет ни слова о русских! Это разве не унижение, не угнетение по национальному признаку? (В. В. Жириновский, манифест 2012 г. «Давай поговорим, товарищ!»)

При этом обещания утрачивают главную жанрообразующую черту — исполнительский характер, так как дающий обещание должен взять на себя добровольное обязательство сделать что-либо. Лозунг же не связан конкретно с персоной обещающего, следовательно, не предполагает ответственности говорящего за исполнение. Кроме того, лозунги не ограничивают декларируемое заявление никакими временными рамками. Не случайно появился опубликованный в «Аргументах и фактах» анекдот: *Умный политик — не тот, кто обещает и выполняет, а тот, кто обещает, но не называет сроков* (Аргументы и факты. 2011. № 34).

Жанр обвинения предполагает признание виновным **кого-либо** в чем-либо. Декларативное заявление утрачивает важный компонент обвинения, а именно отсутствует указание на виновного. Ответа на вопрос *Кто виноват?* нет, спрашивать не с кого. Тем не менее такое эмоциональное высказывание имеет воздействующую силу на адресата. Неслучайно Ф. Н. Ильясов в своей книге целую главу посвящает лозунгам и призывам, отмечая их огромную роль в воздействии на избирателей [Ильясов 2000].

Но если декларативность политических документов и выступлений политиков предполагается и допускается самим жанром, то оправданность декларативности в дискурсе реагирования подвергается многими думающими адресатами сомнению. В современном мире многие тексты СМИ на политические и околополитические темы нередко оказываются в высшей степени декларативными. В газете «ЛДПР. Новосибирская об-

ласть» (2016. № 6) передовая статья начинается с декларативного заявления: *Все больше чиновники залазят в карман к простым гражданам, лишая их зарплат и пенсий, душат штрафами по поводу и без, разоряют огромными ставками по налогообложению! И все им мало — теперь надумали загнать людей в нормы потребления электроэнергии и других коммунальных услуг, чтобы, как в средневековье, жили при лучине и сэкономили каждую каплю воды!*

Как видим, все признаки декларативности налицо: сообщается информация, претендующая на высокую степень важности и общественной значимости, «торжественность» достигается за счет эмоциональной окрашенности; все предложения восклицательные. Автор передовой статьи явно пытается противопоставить свои ценности, совпадающие с ценностями потенциальных избирателей, ценностям чиновников. При этом явно выстраивается оппозиция *свой — чужой*. Но ни один заявляемый тезис не подкрепляется какими-либо аргументами или доказательствами. Нет ни одного факта, нет ни одной фамилии, нет никаких цифр и пр.

Так, на сайте ЛДПР в новостях читаем: *Лидер ЛДПР отметил, что попытка военного переворота в Турции пришла как нельзя кстати президенту этой страны Реджепу Эрдогану. Он получил карт-бланш на проведение зачистки в армии, которую уже давно планировал.*

Откуда лидер ЛДПР знает о планах Эрдогана по зачистке в армии? Почему попытка переворота выгодна президенту Турции? На основании чего Жириновский пришел к такому умозаключению? Все эти вопросы остаются без ответа. Но такое уверенное заявление, вероятно, должно вызвать у читателей доверие, предположение, что политику известно что-то такое, о чем не знают «простые» граждане. Данное декларативное заявление выполняет функцию демонстрации уверенности в том, что политик всеведущ, компетентен, оно нацелено на повышение статуса политика. Такая коммуникативная стратегия часто используется в политическом дискурсе [Семкин 2014].

Именно частотность подобных текстов и позволила Т. Ф. Ефремовой в толкование прилагательного *декларативный* ввести второе значение: *не подкрепленный доказательствами*. А портал *znanie.info* декларативность определяет как *стиль оформления устных или письменных текстов, при котором заявленные цели и ценности не соответствуют реальным действиям и реальным возможностям автора этих текстов*. Именно такое понимание деклара-

тивности нашло отражение и в словаре синонимов: **декларативность — показуха, торжественность**.

Однако подобные декларативные тексты зачастую достигают своей манипулятивной цели. Для доказательства этого тезиса воспользуемся бесплатной версией компьютерной программы «ВААП-мини», которая позволяет оценивать неосознаваемое эмоциональное воздействие фонетической структуры текстов и отдельных слов на подсознание человека. По комментариям авторов проекта, «в методике проекта ВААП воздействие текстом на человека оценивается в числовых сравнимых величинах по шкалам, образованным полярными по смыслу характеристиками. Впечатление о конкретном тексте формируется путем соотнесения его с положением на шкалах. Эти шкалы образуют интервалы между полярными по смыслу оценками, например такими: хороший — плохой, красивый — отталкивающий, безопасный — страшный, округлый — угловатый, грубый — нежный, сильный — слабый и др. <...> Всем звукам языка по этим шкалам сопоставлены оценки. Специальные формулы позволяют на основе этих оценок поставить оценки отдельным словам и целым текстам. Эти оценки не осознаются людьми, но особым образом поставленные эксперименты показывают, что воздействие на подсознание имеет место и что оно довольно сильное» [Флогистон]. По данным этой программы, оценивающей эмоциональное воздействие текста по фоносемантическим характеристикам, текст листовки «Единой России»: *Ни один чиновник не имеет права получать свою миллионную зарплату, ни один бордюр в Москве не может меняться с обычного на мраморный, ни один мэр не должен усаживать свой зад в мерседес, пока умирают старики и дети, оставшиеся без шансов на спасение из-за оптимизации!* — «производит впечатление светлого, нежного».

В научной литературе давно признано, что массмедиа «оказывают жесткое влияние на характер общественного сознания, на характер его доминантных интенций и особенности его содержательных форм» [Полонский 2012]. Как пишет в коллективной монографии Е. В. Лукашевич, «медиадискурс не только отражает действительность, но и проектирует, формирует ее, оказывая определенное влияние на характер общественного сознания целевой аудитории, на характер ее доминантных интенций и содержательных форм посредством трансляции смыслов, ценностей, образов, оценок, идеологием и др.» [Грани... 2016]. СМИ спо-

собны не только передавать информацию, но и видоизменять ее, а зачастую и искажать и тем самым оказывать серьезное психологическое воздействие на аудиторию в ценностно-смысловой сфере личности, трансформировать ее мотивы, установки, ценностные ориентации и потребности, а также формировать стереотипы, как указывают многие исследователи [Леонтьев 1997; Землянова 2002]. Декларативность текстов современных СМИ и является одним из приемов манипуляции, формирования стереотипов, которые позволяют принимать сообщаемую информацию без какой-либо рефлексии и сомнений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выступление Трампа на съезде Республиканской партии — пример эгоцентризма // Europa.com. 2016. 23 июл. URL: <http://euroua.com/world/usa/8021-vystuplenie-trampa-na-s-ezde-respublikanskoj-partii-primer-egotsentrizma>.
2. Дейк, ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация : пер. с англ. / сост. В. В. Петрова ; под ред. В. И. Герасимова ; вступ. ст. Ю. Н. Караулова и В. В. Петрова. — М. : Прогресс, 1989.
3. Гаврилова М. В. Анализ программ российских политических партий начала XX и XXI веков (лингвистический аспект). — СПб., 2011.
4. Грани журналистского образования: миссия и мастерство : моногр. / под ред. Т. А. Семилет, И. В. Фотиевой. — Барнаул : ИП Колмогоров И. А., 2016. 157 с.
5. Грибовод Е. Г. Мобильность как атрибут медиатизации политики // Дискурс Пи. 2015. № 2 (19). С. 75—77.
6. Гронская Н. Э. Базовые стратегии языкового манипулирования // Актуальные проблемы американистики : материалы VI науч. междунар. семинара. — Н. Новгород : ФМО ННГУ, 2001. С. 337 — 342.

T. I. Steksova
Novosibirsk, Russia

DECLARATIVITY IN POLITICAL DISCOURSE

ABSTRACT. *The paper discusses declarativity in political discourse. There are two types of political discourse: politicians' discourse and the discourse of reaction. Declaration is an institutional genre of the politicians' discourse, which performs three functions: presentation of the group values; opposition of one's own values to the values of the others; display of self-assurance and self-righteousness. Apart from being the genre of politicians' discourse, declarativity is a feature of the texts belonging to the other genres, especially those used in election campaign. The functions of declaration in this case are wider: it is used with the purpose of manipulation. Declaration as a genre in discourse of reaction is not found, but many texts acquire declarativity because of the use of certain language means. The peculiar feature of declarative texts in the discourse of reaction is the absence of evidence and argumentation, which leads to the appearance of the new meaning of the word "declarative" – "not supported by evidence; the style of oral and written texts, in which the goals do not coincide with the real actions and abilities of the text author". This meaning of declarativity is fixed in the dictionary of synonyms, where it is defined as "showing off, solemnity".*

KEYWORDS: *political discourse; politicians' discourse; discourse of reaction; declaration; declarativity; manipulation.*

ABOUT THE AUTHOR: *Steksova Tatiana Ivanovna, Professor, Doctor of Philology, Professor of the Department of Modern Russian Language, Institute of Philology, Mass Information and Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia.*

REFERENCES

1. Vystuplenie Trampa na s"ezde Respublikanskoj partii — primer egotsentrizma // Europa.com. 2016. 23 iyul. URL: <http://euroua.com/world/usa/8021-vystuplenie-trampa-na-s-ezde-respublikanskoj-partii-primer-egotsentrizma>.
2. Deyk, van T. A. Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya : per. s angl. / sost. V. V. Petrova ; pod red. V. I. Gerasimova ; vstup. st. Yu. N. Karaulova i V. V. Petrova. — M. : Progress, 1989.
3. Gavrilova M. V. Analiz program rossiyskikh politicheskikh partiy nachala KhKh i KhKhI vekov (lingvisticheskiy aspekt). — SPb., 2011.
4. Grani zhurnalistskogo obrazovaniya: missiya i masterstvo : monogr. / pod red. T. A. Semilet, I. V. Fotievoy. — Barnaul : IP Kolmogorov I. A., 2016. 157 s.
5. Gribovod E. G. Mobil'nost' kak atribut mediatsii politiki // Diskurs Pi. 2015. № 2 (19). S. 75—77.

7. Землянова Л. М. Медиатизация культуры и компаративизм в современной коммуникативистике // Вестн. Москов. ун-та. Сер. 10, Журналистика. 2002. № 5.
8. Ильясов Ф. Н. Политический маркетинг. Искусство и наука побеждать на выборах. — М., 2000.
9. Леонтьев А. А. Психоллингвистическая проблематика массовой коммуникации. — М., 1997.
10. Павлютенкова М. Ю. Политические коммуникации в социальных медиа // Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика. — М. : РАПН : РОССПЭН, 2012. С. 295—306.
11. Пирогова Ю. К. Имплицитная информация как средство коммуникативного воздействия и манипулирования // Проблемы прикладной лингвистики. — М. : Просвещение, 2001. С. 209—227.
12. Плотникова С. Н. Политик как конструктор дискурса реагирования // Политический дискурс в России : материалы постоянно действующего семинара / под ред. В. Н. Базылева, В. Г. Красильниковой. — М., 2005. Вып. 8.
13. Полонский А. Медиадискурс — концепт: опыт проблемного осмысления // Современный дискурс-анализ : электр. журн. 2012. Вып. 6. URL: <http://discourseanalysis.org/ada6.pdf>.
14. Семкин М. А. Коммуникативные стратегии и речевые тактики конфронтационных электоральных риторик // Политическая лингвистика. 2014. № 1 (47). С. 186—190.
15. Синельникова Л. Н. Триада: законы власти — сценарии PR — политический дискурс // Дискурс Пи. 2015. № 1 (18). С. 48—55.
16. Трифонов Р. А. Вербальные элементы политического дискурса как объекты метаязыковой рефлексии в современной украинской публицистике // Политическая лингвистика. 2014. № 1 (47). С. 200—204.
17. Флогистон: психология из первых рук : сайт. URL: <http://www.flogiston.ru>.
18. Шейгал Е. Власть как концепт и категория дискурса // Гумер — политология : электр. б-ка. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Index_Polit.php.
19. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М. ; Волгоград : Перемена, 2000. 367 с.

prikladnoy lingvistiki. — М. : Prosveshchenie, 2001. S. 209—227.

12. Plotnikova S. N. Politik kak konstruktor diskursa reagirovaniya // Politicheskiy diskurs v Rossii : materialy postoyanno deystvuyushchego seminaru / pod red. V. N. Bazyleva, V. G. Krasil'nikovoy. — М., 2005. Vyp. 8.

13. Polonskiy A. Mediadiskurs — kontsept: opyt problemnogo osmysleniya // Sovremennyy diskurs-analiz : elektr. zhurn. 2012. Vyp. 6. URL: <http://discourseanalysis.org/ada6.pdf>.

14. Semkin M. A. Kommunikativnye strategii i rechevye taktiki konfrontatsionnykh elektoral'nykh ritorik // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 1 (47). S. 186—190.

15. Sinel'nikova L. N. Triada: zakony vlasti — stsenarii PR — politicheskiy diskurs // Diskurs Pi. 2015. № 1 (18). S. 48—55.

16. Trifonov R. A. Verbal'nye elementy politicheskogo diskursa kak ob"ekty metazykovoy refleksii v sovremennoy ukrainskoy publitsistike // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 1 (47). S. 200—204.

17. Flogiston: psikhologiya iz pervykh ruk : sayt. URL: <http://www.flogiston.ru>.

18. Sheygal E. Vlast' kak kontsept i kategoriya diskursa // Gumer — politologiya : elektr. b-ka. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Index_Polit.php.

19. Sheygal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa. — М. ; Volgograd : Peremena, 2000. 367 s.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.